

Такая скрытная реакция не ускользнула от внимания Се Се. Он поставил ребёнка на землю, подошёл к лежащему и протянул руку, чтобы помочь тому подняться.

Но едва его пальцы должны были коснуться тела, человек из последних сил отпрянул. Се Се замер, не зная, что делать дальше.

Ребёнок тут же подбежал, откинул волосы с лица незнакомца и, нахмурившись, сказал:

— Не бойся, большой брат не плохой. Он пришёл помочь.

Се Се ахнул:

— Лян Иньгуань!

За прошедшие месяцы красная родинка на лбу Лян Иньгуаня стала ещё ярче, что на фоне мертвенной бледности кожи смотрелось особенно пугающе.

— Большой брат, ты его знаешь? — удивлённо спросил ребёнок.

— Он спас мне жизнь, — ответил Се Се, взваливая Лян Иньгуаня на спину. — Веди меня в гостиницу. Он слишком слаб, здесь не восстановится.

Ребёнок закивал и засеменял вперёд босыми ногами. Се Се, хоть сердце и обливалось кровью, ничего поделать не мог — сам он был не сильнее, чтобы нести одного и вести другого на такое расстояние.

Добравшись до постоянного двора, Се Се уложил Лян Иньгуаня на кровать, велел ребёнку присмотреть за больным, а сам, запыхавшийся и взмокший, помчался на кухню греть воду.

Нагрев целый котёл, он ведрами потащил её наверх, по пути расплёскивая так, что обувь промокла насквозь. К моменту, когда он донёс воду до комнаты, от двух ведер осталось едва ли одно.

Вылив воду в деревянную купель, Се Се сбегал ещё несколько раз. Когда уровень воды наконец стал приемлемым, он был похож на выжатый лимон.

Поскольку оба подопечных были ещё детьми, а таскать воду оказалось невероятно утомительно, Се Се отбросил все церемонии: раздел их догола и запихнул в купель, игнорируя возмущённые вопли мальчишки.

Лян Иньгуань был настолько слаб, что, даже приоткрыв рот, не мог выдать из себя ни звука — слова застревали в горле.

Так в купели оказались два «варёных рака»: один — полумёртвый, другой — отчаянно барахтающийся.

Сделав вид, что он глухой, Се Се открыл свой, наконец-то не пустой, гардероб и извлёк оттуда единственные два комплекта одежды.

Вещи давно не носили, и Се Се опасался, что в них могли завестись моли. Он встряхнул одежду — моль не выпала, зато на пол плавно опустился клочок бумаги. Подняв его, Се Се разглядел несколько иероглифов:

«Гора Шэсюань. Там тебе всё расскажут».

Нахмурившись, он разорвал записку в клочья и выбросил в угол.

Деревню Цинъюань он знал — это была родина Лян Иньгуаня. Именно там, под столетним деревом у въезда в деревню, несколько лепёшек Лян Иньгуаня спасли ему жизнь. Но какая связь между этой внезапной запиской и Лян Иньгуанем, появившимся в таком жалком виде?

Се Се так углубился в размышления, что совершенно забыл о двух детях, томящихся в воде. Только когда кожа мальчика начала морщиться, а тот завопил что есть мочи, Се Се очнулся.

Ладно, не буду думать, — мотнул головой Се Се. — Разберусь с тем, что есть.

Искупав детей, он нарядил их в свою одежду. Рукава болтались на пол-аршина, штанины волочились по полу. Особенно забавно смотрелся ребёнок — в таких длинных рукавах он мог бы сразу исполнить арию из «Прощания с любимой».

Се Се подвернул им рукава, а штанины пришлось обрезать. Костюмы сидели мешковато и криво, но были чище прежних.

Выплеснув воду, Се Се вдруг вспомнил, что Лян Иньгуань до сих пор ничего не ел. Неудивительно, что тот так ослаб — голод не тётка.

Ругая себя за непроходимую бестолковость, он помчался на кухню варить рисовую кашу. На этот раз получилось куда лучше прежних попыток — хоть и с первого раза не вышло, но в итоге сварилось нечто съедобное.

Учитывая, что раньше Се Се не появлялся на кухне по несколько дней подряд, а сегодня зашёл туда уже в четвёртый раз, это был несомненный прогресс.

Когда каша достаточно остыла, он уселся у кровати с миской и принялся кормить Лян Иньгуаня. Тот сначала отказывался открывать рот, но после нескольких уговоров и лёгких

угроз покорно проглотил всё до последней ложки.

Лян Иньгуань молчал — и Се Се не задавал вопросов. Что случилось с ним за эти месяцы разлуки, было, вероятно, его личной болью. И пока тот сам не захочет рассказать, Се Се не станет из праздного любопытства ковыряться в чужих ранах.

Поглотив кашу, Лян Иньгуань немного окреп, и цвет лица его улучшился. Полусидя на кровати, он прикрыл веки и наблюдал, как Се Се хлопчет по комнате.

Прибравшись, Се Се обратился к ребёнку, уплетавшему кашу на табурете:

— Ты знаешь, где находится гора Шэсюань?

— Гора Шэсюань? — ребёнок поднял голову, с уголка рта свисала неразварившаяся рисовая зёрнышко. — А что это за место? Никогда не слышал...

Се Се смахнул зёрнышко:

— Ничего. Продолжай есть.

— Ага, — ребёнок вновь уткнулся в миску.

— Гора Шэсюань, — слабый голос донёлся с кровати, — легендарный Змеинный лес, откуда не возвращаются. Там обитают несметные полчища ядовитых змей. Ступивший на эту землю обречён.

Се Се придвинулся ближе, чтобы расслышать:

— Змеинный лес? Ты знаешь, где он?

Лян Иньгуань едва заметно кивнул:

— Деревня Цинъюань расположена у его окраины.

В груди у Се Се ёкнуло. В голове зашевелилась смутная догадка, но он не мог быть уверен — ведь когда-то он и сам выбрался из тех глухих лесов целым и невредимым. И помимо шапки да рыбы в ручье, не встретил там ни единой живой души, не то что бесчисленных змей.

Нет, — пересмотрел свои воспоминания Се Се. — Как раз отсутствие другой живности и было самым подозрительным. Возможно, Змеинный лес — это и есть тот самый лес, где он очнулся!

А то, что он смог выбраться оттуда живым... Быть может, благодаря той самой шапке?

Се Се почувствовал, будто его с завязанными глазами втянули в гигантский водоворот. Он не ведал, что ждёт впереди, не видел пути назад и мог лишь покорно следовать толчку судьбы.

Как бы то ни было, на гору Шэсюань он отправится непременно. Ради внезапно исчезнувших обитателей «Чёрной лавки». Ради оставленной в лесной чаще шапки.

— Ты сможешь проводить меня в Змеиный лес? — спросил Се Се, глядя прямо в глаза Лян Иньгуаню.

Тот опустил веки, скрывая водоворот мыслей в глубине зрачков. Спустя долгую паузу он тихо выдохнул:

— Смогу.

В ту ночь Се Се ворочался с боку на бок. В памяти всплывали обрывки воспоминаний о жизни в этом мире: изумрудная змейка в лесу, спасительные лепёшки Лян Иньгуаня, первая встреча с Вэнь Манем, августовское благоухание османтуса во дворе...

Когда сон уже почти сомкнул его веки, он вдруг вспомнил, что должен Ху Фэйяну несколько лянов. От этой мысли настроение окончательно испортилось — ведь Дядя Ян перед уходом так и не выплатил ему жалованье!

Не имея иного выхода, Се Се зажёл ночник и нацарапал Ху Фэйяну послание.

На следующее утро он и Лян Иньгуань отправились в Змеиный лес. Ребёнок стоял у задних ворот, провожая их. Глаза его были красны, но он стискивал зубы, не позволяя слезам скатиться.

Это путешествие могло оказаться роковым, и подвергать ребёнка такому риску Се Се не желал. Лян Иньгуань и так был вынужденной обузой — брать ещё одного было бы безрассудством.

В тот же день после полудня Ху Фэйян вломился ко входу в постоянный двор. Он уже слышал о событиях двухдневной давности, но его задержали личные дела. Поэтому, увидев наглухо закрытые ворота «Чёрной лавки», он не слишком удивился.

Ху Фэйян принялся колотить в дверь:

— Се Се! Открывай! Эй, открывай же!

Поскольку ответа не последовало, он в конце концов пнул створку ногой. Полагаясь на чуткий слух, он вытащил из угла дрожащего, как осиновый лист, ребёнка.

— Малыш, ты кто? Как здесь оказался? Где Се Се?

— Ты... ты Ху Фэйян? — ребёнок достал из рукава свёрток и протянул его. — Это тебе передал брат Се. Сказал, ты всё поймёшь.

Ху Фэйян фыркнул, выхватил письмо. Внешне он изображал презрение, но внутри нервничал.

И когда он развернул послание и прочёл его содержимое, у него возникло непреодолимое желание взорваться на месте.

<http://bllate.org/book/15515/1378403>